

Литература:

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь, 15 дек. 1998 г. № 219-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2004. — № 138—139. — 2/1064.
2. Каменков, В. Посредничество как способ разрешения экономических споров / В. Каменков, А. Коробейников // Вестн. Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь. — 2005. — № 4.
3. Каменков, В.С. Цели, задачи и функции хозяйственных судов Беларуси / В.С. Каменков // Вестн. Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь. — 2008. — № 6.
4. Осипов, Ю.К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права. Проблемы применения норм гражданского процессуального права / Ю.К. Осипов. — Свердловск, 1976. — Вып. 48.
5. Колядко, И.Н. Развитие законодательства, определяющего цели гражданского и хозяйственного судопроизводства / И.Н. Колядко // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / отв. ред. И.Э. Мартыненко. — Гродно: ГрГУЮ, 2009.
6. Колядко, И.Н. Гражданский процесс. Общая часть. учеб. / под ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича. — Минск: Амалфея, 2006. — с. 577.
7. Гражданское процессуальное право: учеб. / под ред. М.С. Шакарян. — М., 2004.
8. Арбитражный процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Янков. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 803 с.
9. Боннер, А.Т. Арбитражный процесс: учеб. / под ред. Р.Е. Гукасяна. — 444 с.
10. Арбитражный процесс / под ред. М.К. Треушникова. — М., 2005.
11. Тихиня, В.Г. Гражданский процесс: учеб. / В.Г. Тихиня. — Минск: ИООО «Право и экономика», 2004.
12. Решетникова, И.В. Гражданский процесс: учеб. / И.В. Решетникова. — М.: Бек, 1996. — 460 с.

**СУДЕБНЫЙ ИММУНИТЕТ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА
В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Бесецкая Н.А., Полоцкий государственный университет

Принцип судебного иммунитета иностранного государства не получил в настоящее время унифицированного закрепления в Гражданском процессуальном кодексе (далее — ГПК) и Хозяйственном процессуальном кодексе (далее — ХПК) Республики Беларусь.

Термином «судебный иммунитет», как правило, обозначается изъятие государства из-под юрисдикции другого государства. В широком смысле он включает в себя три неразрывных элемента: неподсудность государства суду иного государства (судебный иммунитет в собственном смысле слова), иммунитет от предварительного обеспечения иска и иммунитет от принудительного исполнения судебных решений [1, с. 16].

Встречаемый еще в работах римских юристов (например, Ульпиана), а затем в средние века наиболее полно сформулированный Бертолусом в *Treatatus peresaliamum* (1395 г.) принцип *par in parem non habet imperium* (равный над равным не имеет власти), лежит в основе классической концепции абсолютного иммунитета государства. Этот подход укоренился в судебной практике большинства стран как континентальной, так и англо-американской правовой семьи, и господствовал фактически до 70-х гг. прошлого века. Однако развитие межгосударственного сотрудничества и постепенное вовлечение государства в сферу экономических отношений заставило пересмотреть уже устоявшийся подход к концепции иммунитета государства.

С середины 70-х гг. начинает формироваться так называемая теория ограниченного (функционального) иммунитета государства. Ее появление было своеобразной защитной реакцией по обеспечению интересов предпринимателей против иностранного суверена, который теперь выступал в нетрадиционной для себя сфере [2, с. 55]. В основе данной теории лежит разграничение деятельности государства, когда оно совершает акты властвования (*acta jure imperii*), то есть выполняет публичные функции, и когда оно совершает действия частногоправового характера в качестве несuverенного лица (*acta jure gestionis*). В последнем случае оно не вправе ссылаться на судебный иммунитет.

Переход от концепции абсолютного иммунитета к концепции ограниченного иммунитета государства не был ни в одном государстве достаточно легким [3, с. 385—388]. Кроме того, наиболее решительными сторонниками теории абсолютного иммунитета государства были представители советской школы права, что вполне соответствовало советской идеологии, отрицавшей возможность разграничения политической и коммерческой деятельности государства, которые считались неотъемлемыми аспектами советского государства, в обоих случаях обладавшего судебным иммунитетом. Вместе с тем, во всех иностранных государствах основные положения концепции ограниченного иммунитета государства были выработаны в прецедентном праве. Отечественная судебная практика ни судов общей компетенции, ни хозяйственных судов не имеет богатого опыта по привлечению государства к участию в процессе. Тем не менее, нельзя не согласиться с профессором А.Г. Светлановым, по мнению которого в настоящее время признание теории ограниченного иммунитета стало уже объективной тенденцией [2, с. 59].

Идея о принятии специального закона об иммунитете иностранного государства и его собственности не нова и отстаивается многими отечественными, и зарубежными авторами. Кроме того, есть показательная практика некоторых зарубежных стран, где такая кодификация уже проведена (США, Великобритания, Австралия, Канада, Сингапур, ЮАР и др.). Однако этот процесс достаточно длительный, требующий довольно серьезных доктринальных разработок, поэтому ближайшей перспективой, полагаем, должна стать унификация подхода к понижению судебного иммунитета посредством принятия совместного постановления пленумов Высшего Хозяйственного Суда и Верховного Суда Республики Беларусь и внесение соответствующих изменений в ГПК.

Несмотря на то, что многими авторами отстаивается процессуальная природа судебного иммунитета государства, его исследование осуществляется в основном специалистами в области международного частного права. Это обуславливает то, что ряд вопросов процессуального характера, направленных на реализацию указанного принципа, осталось без должного внимания. Следствием этого является недостаточный уровень разработки нормы о судебном иммунитете в ХПК, хотя и более прогрессивной, чем соответствующая норма в ГПК. Вместе с тем, требуют доктринальной разработки и правового закрепления такие процедурные аспекты судебного иммунитета, как порядок судебного извещения иностранного государства

и отказа от судебного иммунитета, а также способы и момент такого отказа, действии судебного иммунитета при предъявлении встречного иска и процессуальном соучастии. В связи с вышеизложенным, предлагается дополнить главу 27 ХПК соответствующими положениями.

Литература:

1. Богуславский, М.М. Иммунитет государства / М.М. Богуславский. — М.: ИМО, 1962. — 232 с.
2. Светланов, А.Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции / А.Г. Светланов. — М.: Остожье, 2002. — 181 с.
3. Международные сделки: Краткий курс: учеб. пособие по правовед. и экон. спец. : пер. с англ. / Р.Х. Фолсом, М.У. Гордон, Дж.А. Спаногл. — М.: Логос; Будапешт: COLPI, 1996. — 527 с.

ГЕНЕЗИС ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Бибилко В.Н., доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет

Гражданские процессуальные правоотношения являются разновидностью правоотношений как отношений, урегулированных нормами права. В генезисе гражданских процессуальных отношений необходимо различать «правоотношение-модель» и «правоотношение-отношение».

Гражданские процессуальные правоотношения-модели представляют собой заложенные в законодательстве варианты прав и обязанностей субъектов права. Именно на их основе формируется фактические гражданские процессуальные правоотношения-отношения.

В гражданском процессуальном законодательстве сконцентрированы нормы, которые служат базой для существования гражданских процессуальных правоотношений. Понимание гражданских процессуальных норм как моделей поведения предполагает, что они не являются и не могут быть ни реальным поведением, ни существующим правоотношением, а представляют собой лишь мысленный образ поведения. Без нормы гражданского процессуального права не может возникнуть ни гражданское процессуальное «правоотношение-модель», ни «правоотношение-отношение». Нормы права являются источником появления правоотношений. Нормы и правоотношения — соотносимые понятия.

Гражданское процессуальное «правоотношение-модель» индивидуализирует поведение субъекта. При этом его качество сохраняется, то есть мысленный образ остается, но он уже индивидуализирован. Нельзя, однако, отождествлять мысленную модель поведения с самим индивидуальным поведением, поскольку модель существует в области сознания. Правоотношение на данном этапе развития еще не возникает, имеется лишь модель предполагаемой социальной связи. Гражданские процессуальные «правоотношения-модели» возникают в рамках гражданского процесса. На их основе возникают конкретные гражданские процессуальные «правоотношения-отношения», то есть фактические отношения, существование которых порождает субъективные права и обязанности их участников.